

зачин

Злые времена притекли в Миры не потопом, не разверзлись разом чёрными хлябями. Исподволь, капля за каплей сочились они из провалов памяти, копились в низинах умов, ютились в подвалах сознаний, точили сердца. Капля за каплей, сердце за сердцем, разум за разумом – пока не заволокли всю бескрайность, от дали до дали, грязью болот и туманов, день ото дня густеющих. Зримое стало слепым. И бывшее стало иным. Ясное – мутным, благое – стыдным.

Миры обезволили, опутались нитями лжи, увязли в умётах подмен. Имена сущие заместились именами совранными, именами завранными – слова из уст помнящих и называющих отзывались уже не сочувствием, но страхом. Страх становился ненавистью, ненависть – признаком Жизни:

ненавижу, значит существую,
ego odi ergo sum,
ненавиджу одно існую.

И ложь стал говорить каждый, и они не слышали, как утекает их время, замещаясь злым.

Но были, кто помнил.
Помнил Радугу не тавром скверны, а спектром. Свободу – не товаром, но Волей.
Помнил отцов мужеска роду и матерей – женского.
Помнил, чья истинно Слава, и кто от Славы ведёт род свой.

Помнящих было больше, много больше. Но те, кого меньше, много меньше, были уже на гребне. В долю со злыми временами – капля за каплей, малое за малым, простор за простором – они затопили Миры грязью. И узаконились, воззвав к очевидному:

нелепо
“требовать от грязи не быть грязью”.

И грязь получила права. И сама стала правом.
А потом её провозгласили образом жизни и нормой.

И те, кого меньше, много меньше,
назначили себя мерой вещей, вещам же назначили не их имена,
именам же собственным присудили иные смыслы.
А вещи воспротивившиеся, имена несогласные – приказали убить и забыть.

Так шли, вождедея всё и подминая просторы.
Но и всего было мало тем, кого было меньше.

И восстала из забвения Птица Слава, Матьер Слава, и вернулась в Миры.

Весть о том разнеслась по просторам, ближним и дальним.
Находились те, кто видел сам, и те, кто видел видевших. Предъявляли пророчества и знамения, свидетельствовали писаниями и стародавними текстами. А если текстов не хватало, дописывали ненаписанное, вкладывая слова, надобные ныне, в уста давно минувшего, но лукавство такое печалило мало, слова-то были настоящие, слова были истые:

разве важно, кто и когда их выпустил на волю?